

Расшифровка выступления Н.Н. Спасского 2 июля 2007 г. на Международной Летней Школе

Уважаемый Владимир Андреевич, Володя, уважаемые коллеги! Прежде всего, я бы хотел вас всех поприветствовать. Мне очень приятно и почетно сегодня быть с вами. Я очень с большим уважением отношусь к этому проекту, который уже состоялся. Состоялся не первый год. Международная Летняя Школа по проблемам международной безопасности. Вообще, я считаю, что это неоценимый вклад в распространение базовых знаний и действительного понимания тех проблем, которые перед нами стоят. На этом я бы завершил свою вводную часть. Единственное, отметил бы один момент.

Я действительно давно и хорошо знаю Владимира Андреевича. Отношусь к нему с огромным уважением. То, что он делает в нашей стране, поднимая эти проекты, в полном смысле этого слова, отвечающие незнанию «проекта 21-ого века». Это заслуживает всяческого уважения. Но я бы отметил одно его качество. Много не буду, поскольку он мой друг, иначе это превратиться в нечто непотребное. Среди прочих его ценнейших качеств у него есть чувство времени при организации и планировании мероприятий. Я уже имел возможность об этом говорить. Тем не менее, скажу и сегодня, потому что мы с вами собираемся в то время, когда в Кеннебанкпорте проходит саммит президентов России и США. Но, слава Богу, все мы, уж я-то точно, давно вышли из того периода, розового периода нашей истории, когда любая встреча на высшем уровне воспринималась как нечто историческое. Но, тем не менее, встреча очень серьезная. Встреча очень серьезная по своему значению. По большому счету, это последняя полноценная полноформатная встреча президентов двух ведущих держав мира в их нынешнем качестве. Сам момент очень и очень особый, сильно особый. С точки зрения целого ряда международных проблем, которые сейчас стоят на нашей повестке дня. Это и Косово, и Иран. И целый ряд других. Но в числе всего прочего отмечу не без удовлетворения, скажу совершенно честно. В числе основных итогов этой встречи для нас, для нашего профиля, для того, чем мы занимаемся, будет отфиксировано то, что было парафировано соглашение между Россией и США о сотрудничестве в рамках мирного использования атомной энергии. Так называемое соглашение «123». Мы его парафировали с американским послом Биллом Бернсом в пятницу. С этого начинается совместное заявление двух президентов по проблематике ядерной энергетики и ядерного нераспространения. И это действительно очень большой шаг. Шаг большой для нашей области – нераспространения. Потому что это было величайшим анахронизмом, что у России и США после, я уж не говорю про эпоху Советского Союза, но про 16 лет интенсивного сотрудничества. До сих пор не было этого базового инструмента – Соглашения о Мирном использовании атомной энергии. Но даже с точки зрения отношений наших двух держав, без всякого преувеличения, это один из самых серьезных результатов с точки зрения практического сотрудничества последних 4 лет. Конечно, сейчас будет впереди величайшая битва, чтобы отстоять этот документ, потому что по американской практике этот документ сейчас на 90 сессионных дней Конгресса подвешивается. У Конгресса есть возможность высказаться. Только после этого

соглашение может подписываться. Но тем не менее, сам факт, что нам удалось его подписать, - это очень серьезная заявка.

Еще раз, как говорится, отмечаю не без восхищения. Даты школы планировались еще очень давно, когда еще не были известны точные даты встречи на высшем уровне между Россией и США. Отмечаю это удачное и интересное совпадение, которое даст вам возможность в живом времени отследить результаты российско-американского саммита. Буду переходить к поставленной передо мной задаче.

Честно скажу, то, как очертили тему моего выступления, - на десяток докторских хватило бы. Поэтому придется говорить пунктиром. Тема – современные вызовы глобальной безопасности. Тема действительно глобальная. Я постараюсь перечислить самые базовые вещи. Я посмотрел вашу программу. Программа составлена очень грамотно и очень интересно. Вы практически потом пройдёте по всей этой повестке дня развернуто. Но не менее, общую картину я бы хотел дать.

Начну я с пары замечаний общего плана. Нередко при анализе того, что происходит сейчас в мире, делаются две базовые ошибки. Когда пытаются вычленить основное содержание переживаемой нами исторической эпохи, чаще всего подчеркивают две вещи. Первое, говорится, что мы живем в эпоху глобализации. И дальше на этом анализ ограничивается, потому что подробно раскрывается, что такое - глобализация. Глобализация – это, конечно, замечательная вещь, но она не может определять переживаемую нами эпоху, потому что глобализация – это, скорее, как фон. Глобализация была и в Римской империи. Тоже по-своему выстраивалась. Глобализация есть сейчас. Она может интенсифицироваться, может не интенсифицироваться. Но повторюсь, он не может определять главные тенденции, которые как раз и развертываются в обстановке глобализации.

И второй момент. Очень много говорится, что мы переживаем переходный период. Но скажу честно – нельзя все время находиться в переходном периоде, иначе это перестает быть переходным периодом. Мы говорили, что находимся в переходном периоде после развала Советского Союза. И в последние годы Советского Союза, когда мы выходили из холодной войны. Это было одно. Это было понятно. Сейчас, когда уже отформатировалась новая система международных отношений. Когда новые государства не просто состоялись, а стали нормальными полноценными участниками международного общения. Когда уже в полном разгаре 21 век. И 21 век не с точки зрения этих циферок. Там два крестика с палочкой. А с точки зрения своего реального содержания. Конечно, говорить о переходном периоде немного некорректно. Мы вступили в новый исторический период, в очень серьезный исторический период, кардинально отличающийся от предыдущего, да и, в общем-то, кардинально отличающийся от всей предыдущей истории человечества. Главным содержанием этого исторического периода, если говорить в общем плане, пожалуй, составляет то, что это период кардинальнейших изменений по все параметрам международных отношений, и в том числе, что принципиально важно, и это уже очевидно, и можно предполагать, что эта тенденция будет набирать силу, этот период будет характеризоваться очень серьезным

изменением в расстановке сил в мире. На мой взгляд, это действительно базовая вещь.

Но это еще не все. Да, конечно, нынешний период кардинально отличается с точки зрения масштабности, глубины переживаемых перемен. Но, тем не менее, помимо перемен очень важно для себя определить, какую позицию в отношении этих перемен занимают ведущие игроки в мире. Потому что, грубо говоря, когда анализируешь подобные макротенденции, приходится что-то упрощать. Это неизбежно. В принципе, укрупнено говоря, держава может занимать две позиции вокруг происходящего в мире. Держава может быть заинтересована в сохранении статус-кво и держава может быть заинтересована в нарушении, в кардинальном изменении этого статус-кво. Все остальное – это будут вариации.

Так вот сейчас - это принципиальнейший момент, помимо глубочайших переживаемых сейчас перемен. Мы находимся в эпохе, когда практически все основные центры силы заинтересованы в существенном изменении временного подвижного статус-кво. Неудовлетворенны им и стремятся вести дело к тому, чтобы его изменить. США, которые на протяжении 90-ых годов при Клинтоне, в общем-то, со всеми оговорками, при том, что они старались поправить статус-кво, который их в значительной степени устраивал, по большому счету они были им довольны. Сейчас, особенно со вторым сроком президентства Буша, в этом не остается никаких сомнений, что США сделали ставку по крупному на изменение сложившегося статус-кво. Россия, я думаю, здесь не требуется никаких комментариев. Исхожу из того, что все присутствующие читали мюнхенскую речь президента Путина. Здесь тоже никаких сомнений нет. Россия встала на ноги. Мы не скрываем, что существующее положение вещей в мире нас не вполне устраивает. У нас сейчас есть ресурсы. Да их пока недостаточно, но они есть, и мы совершенно четко готовы вести дело к изменению существующего статус-кво.

Китай, пусть он это делает более аккуратно, несколько по другим правилам, но тем не менее, складывается впечатление, что и Китай тоже по-крупному, системно, в долгосрочном плане берет курс на изменение статус-кво.

Индия, насколько есть возможность анализировать индийскую политику, тоже идет в этом направлении. Пожалуй, единственный из центров силы, по-настоящему крупных, кто пока не определился, прежде всего, в силу особого статуса этого центра силы, его такой достаточно размытой структуры, - это Евросоюз. Но повторюсь, в мире сейчас совершенно четко господствует тенденция, когда основные игроки выступают за слом статус-кво. И, естественно, я об этом не упоминаю, но это совершенно очевидно, что и такая радикальная группировка, которая стремится на себя взять роль представителей исламского мира, и наделена определенными атрибутами государственности – Аль-Каида (террористический интернационал) – это самый яркий пример четко взятого курса на слом существующего в мире статус-кво.

Поэтому я бы предложил это иметь в виду, когда мы сейчас с вами проведем короткую инвентаризацию основных вызовов, с которыми приходится иметь дело всем нам.

Итак, поскольку вызовов очень много, я постарался их сгруппировать. Естественно, любая классификация страдает условностью, это неизбежно. Но очень трудно выстроить приоритеты, иерархию вызовов. Но тем не менее, я думаю, что пусть лучше то, что я вам предложу, будет страдать определенной условностью и упрощенностью, чем я просто бессистемно стал бы рассказывать, что я считаю важным и необходимым.

Итак, попробуем сгруппировать все вызовы в следующей форме: те, с которыми мы уже имеем дело, и те, с которыми нам еще предстоит иметь дело.

На первое место я бы поставил, может быть не с точки зрения абсолютной важности, а с точки зрения фундаментальности и долгосрочности рассматриваемой материи, я бы поставил вопросы с развитием современной науки и технологии. Этот тот фундамент, на котором разворачивается все остальное.

Итак, мы находимся, уже не скажешь на рубеже, мы находимся на старте 21-ого века. Уже даже по той информации, которая является достоянием всеобщего знания можно предсказать, что 21-ый век будет отмечен очень серьезными прорывами в области науки. Я человек абсолютно гуманитарного склада, поэтому, избави Бог, заранее прошу, не задавайте мне потом вопросы по этому разделу. Ответить на них я не смогу, но, тем не менее, перечислю. Даже на уровне моего очень примитивного восприятия, какие-то вещи очевидны. В этой сфере я бы выделил несколько направлений. Прежде всего, это нейрофармакология, во-вторых, это идет в совокупности – проблематика удлинения человеческой жизни, в-третьих, - это геновая инженерия.

Как вы видите, эта сфера науки, непосредственным образом затрагивающая человеческую природу, потому что первичные, это непосредственные, это не затрагивающие всего остального и физики и энергетики, абсолютно всего остального. В общем, какие-то вещи уже вошли в нашу жизнь, даже если мы не вполне отдаем себе в этом отчет.

Как-то на одной из моих встреч я уже приводил такой достаточно банальный пример. Вот, в частности, такие медицинские препараты как прозакереталин, которые по всему миру принимают многие миллионы людей. Но если так на минутку задуматься, вообще, что это такое? В ядре этих препаратов, это был абсолютно фантастический, сумасшедший прорыв, просто эти препараты позволяют в массовом масштабе моделировать в заданном направлении человеческое поведение, если называть вещи своими именами.

Второй момент, удлинение человеческой жизни. Если это воспринимать на личностном уровне, на уровне наших родителей, конечно, это здорово, когда мы видим наших родителей, близких нам людей, перешагнувших за 70 лет, сохранивших, несмотря на все болячки, нормальную жизнеспособность, живущих нормальной полноценной жизнью, то это здорово. Но когда начинаешь воспринимать эту проблему в государственном плане или в системном плане, то, действительно, это серьезнейшая проблема. И дело даже не столько и не столько в том, что это означает колоссально возрастающие

затраты на пенсионное и медицинское обеспечение, которые заставляют государство в комплексе пересматривать всю сферу социальной жизни. Европа уже подошла к этому рубежу, Россия сейчас подходит. Это неизбежно, всем нам придется подойти. Но не в этом дело. Это не главное. Ну, как говорится, деньги вообще не главное, хотя и необходимость. Главное в другом, сохраняя жизнеспособность на значительно продвинутых возрастных рубежах, эти люди не уходят, они остаются. Они продолжают зачастую работать, занимать ведущие позиции в политике, в корпоративном мире, в государстве. И когда смена поколений отодвигается на пару десятилетий, это означает очень серьезные вещи с точки зрения государственного строительства, государственной политики. Здесь ситуация принципиально отличная от того, с чем имели дело при геронтологическом руководстве Советского Союза. Тогда были эти престарелые лидеры, которых возили на ЗИЛах и они играли художественно свою роль. За их спинами были другие люди. Сейчас совершенно другое дело, потому что нынешние 70-летние 75-летние, остающиеся у руля государств, они не изображают правление, они правят. А 70-летний, тем более, 80-летний человек, даже сохранивший способности полного управления своим мозгом, блестящие способности. Он мыслит немножко по-другому. Это совершенно другая склонность к импровизации, к принятию радикальных решений, к разрыву с прошлым, это совершенно другой стиль поведения не только личного, но и государственного. Поэтому я бы хотел остановиться на этом моменте.

Далее, геновая инженерия. Ну совершенно очевидно, что это серьезнейший пласт проблем и научного плана, и этического плана. К сожалению, эта тема настолько часто становилась предметом недобросовестного спекулирования, что сейчас стало правилом хорошего тона не останавливаться на ней. Но, тем не менее, тема-то никуда не уходит, она есть. Расшифровка генома человека - это действительно было фундаментальнейшее, пожалуй, самое главное открытие последних десяти лет. Оно нас сейчас выводит на горизонты, которые не подаются восприятию. Конечно, вопрос геномного конструирования - это вопрос сильно отдаленного будущего. Не столько с технической точки зрения, сколько с точки зрения, того, что мы еще не готовы к рассмотрению связанных с этим этических барьеров. Но тем не менее, уже сейчас делается генетическая диагностика эмбриона, клонирование человека возможно уже сейчас. Это те вопросы, на которые необходимо находить ответы, и находить ответы на международном уровне. Государство в рамках своего национального уровня не может решить разрешать или не разрешать клонирование человека. Строго говоря, это в полном смысле слова общепланитарный вопрос, который может и должен рассматриваться на уровне всего мирового сообщества. Между тем, именно с точки зрения определенной неловкости этой проблематики, как мы все видим, международное сообщество уходит от этой темы.

И здесь я отдельно коснулся бы, не вдаваясь в подробности этого сюжета, поскольку о нем можно говорить много, в проблему пограничных форм разума. Все мы в детстве, тогда это считалось незазорным перелистовать журнальчики типа «Ридест Дайджест», «Вокруг Света», все эти рассказы о поисках Снежного человека, тогда все это казалось ерундой запредельной. Между тем, к сожалению, глубокому сожалению, это никакая не ерунда - это серьезнейшая проблема. Это верхушка проблемы нашего отношения к пограничным формам

разума. Накопленный масштаб информации, к этому, кстати, здесь проблема иного плана, но, в принципе, достаточно близкие - проблемы отношения, проблемы лечения людей, прежде всего детей, с врожденными психическими расстройствами, с врожденными родовыми увечьями и.т.д. Это колоссальный пласт проблем. Ограничусь тем, что обозначу эту тему. И еще раз подчеркну, что если до сих пор мы более или менее удачно проскакивали эту тему, то в 21-ом веке при тех прорывах, которые ожидаются в медицине, и при том уровне этической зрелости, проскакивать дальше у нас, скорее всего, не получится.

Продолжаем дальше в рамках этого же раздела. Проблемы, связанные с развитием науки и техники. На второе место я бы поставил феномен Интернета. Не буду вдаваться в детали. Я не такой большой специалист и любитель этого жанра. Но, тем не менее, хотел бы подчеркнуть один вопрос, который имеет к нам самое непосредственное значение. Это вопрос регулирования сферы Интернета. До сих пор мы достаточно удачно жили в режиме самоконтроля Интернет. За исключением некоторых стран со специфическим режимами эта сфера выстраивалась сама собой. Достаточно беспрепятственно с точки зрения нормального функционирования человечества и системы международных отношений. Да, мы про себя отмечаем, что определенные элементы контроля необходимы, хотя бы с точки зрения террористической безопасности – это один конкретный узкопрактический срез. Тем не менее, по-крупному проблема есть и по мере дальнейшего развития Интернета, по мере выхода широкополосных сетей, по мере все большей компьютеризации, по мере введения электронных удостоверений личности, это уже сейчас происходит, и в своей совокупности это будет представлять новое качество нашей жизни. И вновь встанет вопрос: каким должно быть регулирование этой сферы, что с точки зрения государства абсолютно необходимо и с точки зрения автономности этой сфере опять-таки необходимо для дальнейшего развития этой сферы.

Третья группа вызовов опять-таки связана с наукой и технологией: предстоящий прорыв с энергетикой. Здесь даже останавливаться не буду, потому что информации очень много. И здесь, пожалуй, наиболее очевидно то, с чем нам с вами придется иметь дело. Не далее, как несколько дней назад, 27 июня, Государственная Дума РФ ратифицировала два соглашения по созданию международной организации ТЕРПО по термоядерному синтезу. В ближайшие дни ратификация со стороны России будет завершена. И это тот случай, когда мы можем выстроить временную рамку. Ориентировочно где-то в 2014-2015 году будет запущен первый реактор термоядерного синтеза, еще 15 лет, нужно прикинуть, где-то 30-ый год, даст ток первая термоядерная электростанция, и еще пара десятилетий потребуется на отработку коммерческой эффективности термоядерной энергии. То, что это будет означать совершенно точно, - это будет означать кардинальную переоценку всех существующих сегодня подходов к энергетике. Плюс, возможно, в несколько замедленном режиме, но практически параллельно развивается водородная энергетика. В совокупности, повторюсь, это даст кардинально новую ситуацию со всем, что это будет означать. А помимо всего прочего, это будет означать серьезные коррективы соотношения сил на мировой арене. Что греха таить, сегодняшнее соотношение сил в очень значительной степени связано с распределением ресурсов. Это совершенно очевидно.

Вот, пожалуй, главные вещи, которые мне хотелось упомянуть, говоря о вызовах, связанных с наукой и технологиями. Чтобы не злоупотреблять доверием Владимира Андреевича, который предоставил слово вроде бы серьезному человеку, а я вам говорю о каком-то шарлатанстве. Тем не менее, под занавес я все-таки упомяну еще пару сюжетов. Опять-таки, потому что мы находимся в 21-ом веке, где самой логикой развития науки нас подводят к очень серьезным сущностным рубежам.

Скорее всего, нам будет никуда не деться, и придется так или иначе на определенном этапе формулировать наше отношение, не наше личное отношение, а отношение международного сообщества к двум таким темам, как паранормальные явления и контакты с внеземными цивилизациями. При нынешнем развитии регистрирующей техники и при нынешних масштабах нашего присутствия в космосе, просто ограничиться складированием этой информации нам вряд ли удастся.

Итак, мы с вами прошли кардинальный блок вызовов. Естественно, повторюсь, очень упрощенно: вызовы, связанные с развитием науки и техники.

Теперь давайте посмотрим следующий блок. Вызовы, связанные с нынешним этапом экономического развития. Их значительно труднее систематизировать, потому что здесь больше элемент субъективного. Но тем не менее, попробую. На первое место поставил бы формирование функционирующей в реальном времени глобальной финансовой системы. Те из нас, кто наблюдал глобальные финансовые крахи: азиатские, российские, те, кто помнит 98-ой год, те представляют, о чем идет речь. Это действительно кардинальнейший феномен, выражающийся и во всеобщей уязвимости, и во всеобщей взаимозависимости и в очень серьезных трудностях для манипулирования экономическим развитием отдельных стран.

Второй момент, просто обозначу. Последствия тотальной компьютеризации, опять-таки в глобальном масштабе. Начиная от знаменитых блэкаутов, которые проходили как в нашей стране, так и практически во всех ведущих странах мира: США, Италия, Англия. Но и не только это естественно.

Далее, здесь мы подходим поближе к социально-политической сфере. Третий сюжет в рамках экономического блока – это деформации, порожденные массивным переводом промышленных производств в развивающиеся страны. Мы с вами отслеживаем статистику, наблюдаем, как, развиваясь, эти страны, вступают в современное экономическое развитие, смотрим картинки на Си-Эн-Эн. Для себя фиксируем, что с экологией не здорово, социальные издержки, но в принципе при поверхностном восприятии складывается впечатление, что это очень здорово. И в определенном измерении так оно и есть. Действительно эти страны оказываются вовлеченными в нынешний экономический подъем. Но у этой вовлеченности есть другая сторона. Я даже не буду говорить о таких банальных вещах, что помимо вовлеченности в нынешний экономический подъем, многие из них оказываются вовлеченными в обыкновенную индустриальную революции 19-ого века, что тоже имеет место быть. Но дело не в этом. Дело в том, что это зачастую бурное, но такое спорадическое экономическое развитие, оно накладывается на достаточно

хрупкие политические государственные системы этих стран. И то, что с определенными издержками, потому что даже ведущим странам мира с действительно мощными социально-политическими системами, мощным гражданским обществом, даже этим странам такая амортизация дается с колоссальнейшим трудом. Развивающимся странам, на которые обрушивается это экономическое развитие. Оно дается на пределе возможностей, а зачастую не дается. И здесь как раз зачастую, потому что феномен глубже сложнее, здесь как раз и коренятся истоки того глубокого раздражения и недоверия между ведущими развитыми странами и развивающимся миром. И, в том числе, если вычленишь опять-таки в черно-белом свете наиболее зримое звено этой системы: между западной цивилизацией и исламским миром.

Здесь мы с вами как раз и подошли к базовой вещи. Четвертый момент в рамках экономического блока – разрыв между развитыми и развивающимися странами. Я бы посоветовал только одно, чтобы не перегружать себя статистикой, потому что статистики много, и она доступна, есть шикарнейшая ооновская статистика. Это как раз тот случай, когда ей можно нормальным образом пользоваться, потому что это бывает не всегда. Нужно просто повнимательнее посмотреть на реальные показатели разрыва между ведущими странами и развивающимися странами. Здесь не только дело в том, что этот разрыв приобретает такие новые формы, как цифровой разрыв. Дело не только в этом. Дело в том, что даже по базовым параметрам, как национальный доход на душу населения, как распределение базовых услуг, как качество жизни, что принципиально важно, как обеспечение питьевой водой. Разрыв преодолевается, но он преодолевается настолько медленно, что если выстроить два графика, один достаточно четкий – показатели преодоления разрыва по базовым показателям, а другой достаточно условный, но, тем не менее, его тоже можно выстроить – рост социально-политического раздражения в развивающемся мире. Мы увидим, что эти две линии расходятся, они не поспевают одна за другой. Раздражение растет значительно быстрее, чем уменьшается разрыв. И, в общем-то, заложен колоссальнейший потенциал для крупномасштабных катаклизмов и деформаций общепланетарного масштаба.

Следующий пласт вызовов. Демографические проблемы. Буду говорить пунктиром. Прежде всего, это головокружительный рост населения в беднейших странах и целым шлейфом проблем, который это тянет за собой. И обеспечение продовольствием, обеспечение питьевой водой. Необходимость одеть, обути этих людей, снабдить крышей над головой, потому что даже в Африке какая-то крыша все-таки нужна, дать им хотя бы примитивное образование, дать медицинское обеспечение. Это чудовищная нагрузка на социально-политические системы развивающихся стран. Если вернуться на один шаг назад, о чем мы говорили 5 минут назад. Но это очевидные вещи.

Более серьезные вещи они опять-таки носят сравнительный характер. Поэтому отфиксируем следующую позицию. Следующая позиция – это старение населения в развитых странах. Статистика, особенно по этой материи, несколько отстает от жизни. Но поскольку тенденции носят долгосрочный характер, то можно так укрупнено посмотреть. Вот страны начала 21-ого века, страны ОЭСР с высоким уровнем дохода. Дети и подростки до 15 лет – это где-то 18% общей численности населения. Пожилые люди – старше 60 лет – 15%

населения. На 2015 –ый год, соответственно, прогнозируется 16 и 18%. То есть, через 10 лет пожилых будет больше, чем детей. Между тем, по развивающемуся миру, если мы посмотрим, на начало 21 века доля населения в возрасте до 15 лет больше 32%, доля населения старше 60 лет – 5%. По наименее развитым странам этот показатель составлял 43% и 3%. Что это означает? И в этом третий фундаментальный момент. Это означает увеличение возрастного разрыва между развитым и развивающимся миром. А увеличение возрастного разрыва – это фундаментальнейшее увеличение разрыва в восприятии мира. Так сложилось, к сожалению, то ли в силу, ну здесь, слава Богу, большая часть из вас не проходила через марксистскую систему образования, но тем не менее, мы с Владимиром Андреевичем успели захватить этот период и поэтому его хорошо помним. До сих пор большая часть нынешних лидеров не только на нашем пространстве бывшего СССР но и в других странах, так или иначе, опосредованно несут на себе отпечаток марксистского восприятия мира. И здесь ничего плохого нет. Марксизм это серьезнейшая школа, если ее применять не догматически, а наравне с другими школами. Она дает нормальный инструментарий. Здесь ничего зазорного нет. Но когда марксистское восприятие мира сочетается с гипертрофированным применением политической корректности, когда о некоторых вещах просто неприлично говорить, поэтому мы о многих вещах попросту не говорим. Поэтому для нас вполне нормально рассуждать сплошь и рядом о социально-экономических противоречиях между развитым и развивающимся миром и совершенно неправильно говорить о других противоречиях. Потому что классы появились на определенном этапе развития человечества. А если мы, рано или поздно, так или иначе, будь то Христианская модель, придем к бесклассовому обществу, то классов опять-таки не будут. Но зато возрастные различия останутся всегда. Возрастные различия были даже в волчьей стае, где жил Маугли. И они носят значительно более фундаментальный характер. И у нас остается за кадром, что если в большинстве развивающихся стран политически активное поколение имеет 25-30 лет, а в развитых странах это от 50 до 70 лет. Это означает серьезнейший разрыв в восприятии современного мира. Худо-бедно как здесь не раскладывать, но 60-летние, я имеют политически активные, которые не только реально делают политику, потому что если посмотреть, Блэр – достаточно молодой человек, Саркози тоже молодой. Речь не об этом. Речь идет, прежде всего, о том, кто за них голосует. В конце концов, можно проголосовать и за 20-летнего, от этого ничего не изменится. Но если за него голосуют 60-летние, этот 20-летний будет отражать, прежде всего, приоритеты тех людей, которые за него проголосовали. Это совершенно нормально.

Тут, как не поворачивай, 60-летние богатые, образованные и всем довольные, составляющие массив населения в развитых странах, они по-другому смотрят на мир. Нежели 30-летние малограмотные, необразованные, агрессивные, составляющие массив населения в развивающихся странах. Здесь никуда не деться.

Следующий момент по демографическому блоку – миграция. Здесь не буду останавливаться, поскольку информации очень много. Мы видим проявления, формы миграции в развитом мире по таким странам, как США и страны Западной Европы. Мы видим, какие формы приобретает миграция на пространстве СНГ. Это все достаточно очевидно. Опять-таки, я бы хотел

коснуться одного аспекта этой проблемы, тоже достаточно политически некорректного. Миграция, ведь она приводит не только к социально-экономическим противоречиям, разрывам, надрывам. Что мы наблюдаем в той же Франции, когда подростки из арабского Магриба поджигают автомобили и громят магазины. Это внешние всплески. Пожалуй, самые простые. В долгосрочном плане вопрос значительно серьезнее. Ведь речь идет не о каких-то спорадических переливах населения. Речь идет даже в масштабах отдельных стран о переливах в сотни, тысячи, миллионы людей. По миру это десятки миллионов людей. Это очень много, особенно, если это помножить на несколько лет. И помимо всего этого, это естественно приводит к изменению национального состава принимающих государств. А изменение национального состава вызывает не только и не столько нарастание противоречий в рамках первого поколения или второго поколения. Это потом все перемешивается более-менее. Поскольку вливающееся поколение со своими традициями, со своей культурой, со своей религией, со своими приоритетами, со своим видением мира вливается в значительных масштабах в те или иные государства, обустроивается там, интегрируется, это население приводит к очень серьезной корректировке цивилизационных критериев данных государств. Чтобы не вторгаться не в какие болезненные материи, я приведу пример с США. Причем пример достаточно затиражированный, но, на мой взгляд, довольно показательный. В 2060-ому году, то есть через 50 лет, а это не так уж и много, большая часть из вас доживет до этого и на это посмотрит. А мы с Владимиром Андреевичем посмотрим оттуда, если будет такая возможность. В 2060-ом году англоязычное белое население будет составлять менее половины населения США, причем в штатах Запада и Юга, которые являются локомотивом развития в США, это произойдет значительно быстрее. Так, уже в 2025-ом году испаноязычное население будет самой крупной национальной группой населения в Калифорнии. Они будут составлять 42%. А что это означает? Давайте попробуем порассуждать. Для нас уже сложилось стереотипом. Мы говорим: западный мир. Причем под западным миром мы понимаем такую забавную конструкцию. Западный мир – это, прежде всего, Западная Европа, при этом, лидер западного мира – это США, находящиеся за океаном. Но это как бы продолжение, проекция Западной Европы на другой континент. Эта проекция срабатывала. Она имеет свои институциональные формы в виде НАТО и американских гарантий безопасности. Эта привязка несколько раз реализовывалась в истории. И я хотел бы обратить ваше внимание, несколько раз далеко не автоматически. Ну мы помним, Первая мировая война, сколько лет потребовалось США, чтобы в нее вступить. Потому что вступление в войну означало, прежде всего, признание США тождества собственной исторической судьбы с судьбой Заданной Европы, ну тогда Европы, Европа была еще не поделена.

Во Второй мировой войне это сработало практически автоматически. И затем достаточно гладко срабатывало на таких этапах, как югославская война и другие события. Но это происходило тогда, когда большая часть населения США идентифицировало себя с Европой, было выходцами из Европы, имело родственников в Европе. Когда же большая часть населения США будет выходцами из Латинской Америки или Азии, и когда большая часть населения будет считать своим родным языком испанский, даже хотя официальным языком США оставался бы английский, можно с очень большой степенью

вероятности предполагать, что это приведет к очень серьезным корректировкам поведения США на мировой арене. И, соответственно, любой из вас может выстроить аналогичную схему применительно абсолютно к любой стране. Будь то Россия, будь то что угодно.

Далее, теперь мы вплотную подступили к политической сфере, к региональным конфликтам. Здесь я тоже не вижу смысла вдаваться в детали. Поскольку это материя более чем доступна. Очень много информации, причем информация идет и в живом времени. Отметил бы несколько моментов, на мой взгляд, имеющих сущностной характер. Прежде всего, обратите внимание, мы говорим региональные конфликты, но зачастую то же самое можно назвать и международные кризисы. Действительно, эти два понятия существуют одновременно и обозначают одно и то же, но высвечивая разные моменты, разные аспекты. Когда мы говорим «региональные конфликты», то мы тем самым подчеркиваем, что этот конфликт имеет место быть в определенной точке на карте мира. Когда же мы говорим «международные кризисы», мы подразумеваем, что в этом региональном конфликте в той или иной степени оказываются вовлеченными внерегиональные игроки, а зачастую большая часть стран мира. И в это и состоит главный, сущностной момент. Ситуации, когда какой-то региональный конфликт мог вариться в своем собственном соку на протяжении десятилетий. Ну кто-то мог поставлять оружие, кто-то мог послать десяток добровольцев, и на этом все ограничивалось, такая ситуация практически прошла. Сейчас, конечно, можно найти все, что угодно. Можно разыскать примеры чему угодно с точностью до наоборот. Но, строго говоря, я бы оказался в очень большом затруднении найти пример регионального конфликта, ограниченного, замкнутого, в рамках какого-то контура на географической карте.

То есть, сейчас региональные конфликты в полном смысле этого слова приобретают международный характер.

Второй базовый момент. Большая часть региональных конфликтов приобретает настолько сложный, системный характер, потому что речь идет о системных противоречиях. Когда вовлечено все: международный срез, геополитика, социальное измерение, экономика, религия, историческая память. Строго говоря, простых решений этих проблем не существует.

Давайте посмотрим три из них. Арабо-израильский конфликт, Ирак, Афганистан. Что бы могло представлять собой решение арабо-израильского конфликта? Предположим, все замиряется, будут рядом существовать два государства. Давайте посмотрим тогда на карту Ближнего Востока, на эти два контура. Это как неудачно запеченная яичница. Все переливается, одно наслаивается на другое. Как они могут существовать? Наверное, как-то могут существовать. А беженцы, где они будут жить, как они будут самоидентифицироваться? Хорошо, как будет функционировать Иерусалим? Как будет сочетаться его двойной статус: единый и неделимой столицы Израиля и центра четырех религий? Как? То есть, в принципе, можно решить, особенно на бумаге, и это нужно решать, потому что никому не нужна война. Тем не менее, пытаясь ее решить, это не значить, что нужно придаваться иллюзиям и не называть вещи своими именами. Зачастую вещи своими именами нельзя

называть публично, но, по крайней мере, для себя нужно четко идентифицировать все это. Кроме того, здесь имеет место такой же разрыв, как между региональными конфликтами и международными конфликтами, потому что один и тот же кризис можно называть совершенно по-разному. Его можно назвать Палестинская проблема, или палестино-израильский конфликт. Вот есть народ палестинцы. Когда у этого народа появится свой очаг, свое нормально функционирующее государство, можно считать, что эта проблема решена. Будут существовать рядом два государства: Израильское и Палестинское. Но ведь у этого же самого конфликта есть и другое название: арабо-израильский конфликт. И здесь совершенно другое прочерчивание всей ситуации. Здесь мы видим маленький Израиль и видим огромный арабский мир, окружающий его. И тогда получается, что для того, чтобы решить эту проблемы нужно нормализовать отношения Израиля с каждой отдельно взятой арабской страной. А, строго говоря, не только с арабской, но и с каждой близлежащей мусульманской страной, как тот же Иран. А здесь совершенно другое временное измерение, совершенно другая сложность.

В общем-то, строго говоря, если довести до абсурда, а до абсурда иногда доводить полезно, если продолжатся нынешние тенденции, то есть нынешнее состояние нарастающей враждебности, даже просто враждебности между Израилем и окружающем арабском мире. И давайте наложим это на темпы роста населения в Израиле и в окружающих арабских государствах. И посмотрим, что будет иметь место быть лет через 20-30-40. и приложим здравый смысл. При нынешнем состоянии враждебности. Вообще, с позиции здравого смысла можно представить, что Израиль сможет жить и существовать в современном взаимопроникающем мире в этом враждебном арабском море, где население Израиля будет составлять в буквальном смысле слова крупинку. Повторюсь, с точки зрения здравого смысла функционирование нормального государства, функционирование нормального государства, живущего в согласии с законами и правилами 21-ого века, а не укрепрайона, состоящего на содержании у западного сообщества, такой сценарий представляется очень и очень сомнительным, учитывая нынешний уровень враждебности.

Возьмем другой пример, на этот раз покороче: Ирак. В чем могло бы состоять решение иракской проблемы? Если мы могли бы употреблять сослагательное наклонение, да еще и в прошлом, тогда все получается здорово. Если США бы не вторглись, а в Ираке произошел бы мирный верхушечный переворот и Саддама и все бы его ближайшее окружение, но не все, чтобы не было массовой бойни, но, тем не менее, там бы их поубивали, пришел бы нормальный военный режим. Он потихоньку эволюционировал, из тоталитарного перерос бы в авторитарный и все было бы здорово. То есть полиция не то чтобы зверствовала, но проявляла бы определенную жесткость. Курды вели бы себя в определенных рамках, было бы нормальное полноценно функционирующее государство и все было бы нормально. Но этого уже не произошло. Ирак уже превратился в генератора нестабильности. И то из чего приходится выбирать, - это выбирать между двумя сценариями. Один сценарий – это существование Ирака, все-таки, как единого государства. Опять-таки, что такое единое государство? Это может быть мягкая федерация, или это может быть жесткая конфедерация, в рамках которой будет существовать три государственных образования: Курдская, Шиитская и Суннитская. Это один сценарий. Второй

сценарий - это раздел Ирака и образование трех независимых государств. Первый сценарий, вроде бы, попримемлемей, потому что это эволюционное решение, которое предполагает меньшие катаклизмы для региональной стабильности. Второй сценарий, поболее болезненный, он более радикальный. Но может быть в долгосрочном плане он надежнее, потому что дает более прочное решение.

И наконец, Афганистан. Афганистан как-то оказался на задворках нашего восприятия. Мне доводилось очень плотно заниматься Афганистаном и будучи в Риме. Рим в те времена был центром афганской иммиграции. Там жил бывший афганский король, с которым мы были довольно и неплохо знакомы. Там было все его ближайшее окружение. Да и потом в бытность в Совете безопасности мне тоже приходилось довольно плотно заниматься афганской проблемой. Что такое сейчас Афганистан? Это классический пример несостоявшегося государства. Точнее, это отсутствие государства в рамках государственных границ. Власть центрального правительства распространяется только на Кабул и на те города, в которых стоят войска США или коалиционных сил. Наложилась одна на другую три модели власти: оккупационный режим, который не доведен до конца, а носит выборочно гроздевой характер, далее, талибы, которые постепенно возрождают свое присутствие и свой контроль над страной и плюс традиционная кланово-племенная система власти. Когда, по сути, под очень аморфным верховным руководством Кабула власть реально осуществлялась на уровне региона. Вот что мы имеем на уровне Афганистана. Как будет решаться эта проблема? Плюс давайте вспомним пестроту этнического состава Афганистана и наличие рядом двух мощнейших игроков, которые традиционно не заинтересованы в существовании единого Афганистана. Это, прежде всего, - Пакистан и это – Иран. Или даже возьмем узбекский фактор. То, что одна из крупнейших этнических группировок афганского населения – это узбеки. Естественно, вне зависимости от того, хочется или не хочется, когда в стране по соседству находятся твои соотечественники, ты должен на это как-то прореагировать.

То есть, что я хочу этим проиллюстрировать. Когда население рассредоточено через национальные границы, - это в любом случае болезненно, даже в таком состоявшемся и обустроенном регионе, как Европа. Ну вы посмотрите на такие проблемы как Трансильвания, на Балканы, на Македонию, которая до сих пор не может обзавестись названием собственного государства. Даже здесь эта ситуация дает очень серьезную напряженность. А когда это накладывается на обстановку войны. И здесь мы с вами подошли к третьему моменту, который я бы хотел выделить, говоря о региональной проблематике.

Мы сейчас находимся на этапе, когда существует реальная опасность новой территориальной перетряски географической карты мира. Я ни в коем случае не хочу распространять «думс дэй сценэриус». Это совершенно не мой жанр. Я не говорю, что это обязательно должно произойти. Но с точки зрения корректности восприятия современного мира, мы должны отдавать себя отчет, что существует очень серьезная вероятность новой перекройки географической карты мира и, прежде всего, в южном подбрюшье Евразии, а именно в этой дуге нестабильности: Ирак, Иран, Афганистан, Пакистан. Все эти государства сейчас

самым серьезным образом сталкиваются с вызовом своего дальнейшего существования в рамках сложившихся государственных границ.

И естественно, что греха таить, если пойдет такая перекройка географической карты мира, всплески пойдут довольно далеко. Ну если взять даже курдскую проблему. Ну курды – это Турция. Страна на стыке Европы и Азии. Страна, на примере которой отрабатывается сейчас альтернативная модель развития исламского мира. Страна, от развития которой сейчас очень сильно будет зависеть алгоритм Европы в отношении со всем окружающим миром. И представить, что Турция просто сможет стоять в стороне неизбежно, когда рядом будет отстраиваться курдское государство, когда в Турции проживает большая часть курдов.

Хотел бы отдельно очень коротко, вне рамок этой основной классификации, коснуться проблем развития атомной энергетики и атомного оружия. Конечно, эту проблематику нужно было рассматривать в рамках энергетического блока, но там пришлось бы сделать очень большие натяжки и пойти на очень большие условности, потому что атомная энергетика имеет это подбрюшье – нераспространение.

Несколько слов очень коротко я бы хотел сказать. Ситуация действительно рубежная. Опять-таки простых решений не существует. Что мы видим, если говорить очень коротко? В мире не хватает энергии. Традиционные источники энергии углеводородного происхождения больше не в состоянии обеспечивать энергетические потребности человечества. Не в состоянии как с точки зрения того, что углеводородные ресурсы – это ресурсы исчерпаемые, так и с точки зрения экологических последствий, потому что, потребляя эти ресурсы, мы разрушаем нашу среду обитания. Что делать? Нужно искать какие-то альтернативы. Есть альтернативные источники энергии: энергия солнца, энергия приливов, ветровая энергия. Даже если не говорить о том, что эта энергии отнюдь не безупречна с экологической точки зрения. Если представить, как уродуют нашу среду обитания ветряные электростанции, поставленные не одна две, а поставленные массово. Но в любом случае, мы говорили бы о нескольких процентах, а дефицит выражается десятками процентами. Его нужно чем-то заполнять. Да в перспективе, где-то во второй половине 21-ого века, наверное, состоится термоядерная энергетика, состоится водородная энергетика, которая сможет заполнить эту нишу. Но чем заполнять ее в ближайшие 50-60 лет? Другого варианта, кроме массового использования атомной энергетики, не существует. Да, это вариант не безболезненный. Это очень не простой вариант с разных точек зрения, в основном, с психологической точки зрения. Потому что психология зачастую в политике играет не меньшую, а большую роль, чем экономика. Нужно отдавать себе отчет, мы все сейчас живем в режиме постчернобыля. Чернобыль был давно. Он прошел. За двадцать лет кардинально изменилась система безопасности атомных электростанций. Это позволяет нормально сейчас развивать атомную энергетику. Но опять же нужно отдавать себе отчет, что, если, не дай Бог, где-нибудь в мире произойдет инцидент, сопоставимый с Чернобыльским, при всех диких, бешенных инвестициях, на развитии атомной энергетики можно будет поставить крест. Это будет означать колоссальную деформацию в экономическом развитии человечества, потому что заполнить эту нишу, этот разрыв сейчас нечем.

Но это один дефект. Это подспудный дефект. Но развитие атомной энергетики есть и другой врожденный генетический дефект - развитие атомной энергетики ведет к возрастанию риска ядерного нераспространения. Потому что атомная энергетика предполагает ядерный топливный цикл, а ядерный топливный цикл имеет два уязвимых звена, где ты вплотную выходишь на обзаведение ядерным оружием: обогащение урана и переработка отработавшего топлива. Что делать? В режиме технологий, без политики, это не решить. Можно, если замкнутый топливный цикл - тоже штука очень относительная, очень не простая с точки зрения технологий, но опять-таки без политики она решения не дает. Что мы имеем с точки зрения политики? С точки зрения политики имеет место ситуация, когда договора о ядерном нераспространении и все его базовые инструменты, включая МАГАТЭ и соглашения о гарантиях и даже Дополнительный протокол, они не запрещают развитие этих технологий. Они не запрещают развитие технологий обогащения, они не запрещают развитие технологий переработки отработавшего ядерного топлива. Что делать? Выходить с инициативой корректировки ДНЯО? Скорее всего, это выльется в полный развал режима ядерного нераспространения, потому что режим, хотя он работает, но он находится в ситуации достаточно серьезного кризиса. Поэтому если мы начнем раскачивать его дальше, даже для его улучшения, скорее всего, это привело бы к капитальному развалу всего режима нераспространения. Значит, ДНЯО трогать нельзя. Что можно сделать? Можно идти через какие-то добровольные меры. Через самоограничение с точки зрения развития на своей территории атомной энергетики. Это тоже условное половинчатое решение. Они тоже не решают проблему. Полного гарантированного капитального решения проблемы ядерного нераспространения просто нет. Но, тем не менее, существует совокупность промежуточных полезных мер, которые, если они будут применены вместе, в комплексе, в своей совокупности, они могут обеспечить достаточно эффективное функционирование режима ядерного нераспространения. И если мы пройдем через предстоящее десятилетие без кардинального увеличения числа ядерных государств, без крупных ядерных инцидентов, без террористических актов с применением ядерного оружия и без ядерных конфликтов, то тогда где-то во второй половине века проблема будет стоять по-другому. Тогда будут альтернативы атомной энергетики и вполне вероятно, что ядерное оружие тогда утратит свою незаменимую функцию. Сейчас, что бы мы не говорили о новых технологиях в вооружениях, ядерное оружие остается незаменимым оружием, абсолютной гарантией суверенитета и территориальной целостности государства. Через 50 лет можно предполагать, что ядерное оружие эту свою основную функцию утратит.

Вопросы:

1- Как вы рассматриваете проблему климатических изменений?

Спасибо огромное. Климатические изменения – безусловно, один из важнейших вызовов. С политической точки зрения этот вызов преломляется в двух плоскостях: энергетика и приоритеты социально-экономического развития. Я об этом говорил, когда говорил об углеводородной энергетике. Углеводородная энергетика как раз и означает, в первую очередь, истощение озонового слоя.

Практическое измерение – нужно для себя решать вопрос. Какую цену, не в деньгах, а с точки зрения своего экономического роста, оно готово заплатить за то, чтобы обеспечить приемлемый в долгосрочном плане масштаб разрушения в среде обитания и масштаб негативного воздействия. Выбор очень жесткий. Западная Европа со своей более продвинутой, чем в остальном мире экологической совестью, экологическим восприятием для себя определенные решения приняла, приняла в инициативном порядке. Мы как Россия находимся перед выбором, хотя мы и присоединились к Киотскому протоколу, но для нас это было вынужденно решение, мы это сделали без энтузиазма, но тем не менее, мы это сделали. Если ты хочешь быть в числе стран, задающих глобальную повестку дня, ты должен занять позицию по проблеме изменения климата. Мы для себя это сделали. США пока для себя это решение не приняли. Они для себя приняли базовую посылку. Это, я думаю, один из интересных результатов недавней «Восьмерки» в Хайлендаме. Они, по крайней мере, признали базовую посылку, что этим нужно заниматься. Они пока не готовы принимать какую-то модель, но, я думаю, к этому придет. Не с нынешней администрацией, со следующей.

Но, конечно, важнейшим моментом будет самоопределение Китая и Индии. Пока этого не произойдет, говорить о глобальных подходах к проблематике изменения климата не приходится.

2- Когда США начали войну в Ираке, они, конечно же, что-то обещали курдам. Наверное, создание независимого государства. Как это может отразиться на взаимоотношениях США и Турции?

Очень интересный вопрос. Один из самых интересных сюжетов современной мировой политики – это сюжет присутствия тайны в современной актуальной политике. Очень многое происходит в реальном времени перед нашими глазами. Очень многое выплескивается в Интернет. Зачастую мы буквально становимся свидетелями, если не участниками политического процесса. Но, тем не менее, давайте отдавать себе отчет в том, что до сих пор очень многое и в том числе базовые решения принимаются в закрытом режиме.

Я здесь скажу за себя, хотя, повторюсь, я этой проблемой занимался. Я не знаю, что США обещали курдам. Причем, анализируя эту проблему нужно четко раскладывать: США – это кто? ЦРУ? Чейни с его окружением? Госдеп? Кто такие курды? Талабани? Барзами? Ситуация слишком пестрая. Я бы предположил такую конструкцию. Наверняка, были серьезные ангажементы, были обещания. На уровне, который можно воспринимать, как уровень государственной политики, я не думаю, что США обещали создание независимого государства Курдистан. Создание автономного Курдистана – да! А далее – детали. Нельзя исключать, что кто-то из оторванных персонажей, даже не внутри системы, работающих на аутсорсинге, сейчас же композиция зачастую очень сложная, да, наверняка, кто-то обещал и независимость Курдистана, многое обещалось.

Но с точки зрения корректности я бы выстроил так. Делались ангажементы в отношении автономного Курдистана, возможно включая Киркук (не знаю!).

Для себя США, в данном случае, я имею в виду уровень политики, наверное, просчитывают вариант образования независимого Курдистана, если события пойдут в этом направлении, если развал Ирака не удастся остановить, кризис будет углубляться. Это просчитывается, о чем можно судить и по публичным выплескам.

Относительно Турции. Если очень просто – конечно, это будет иметь системные последствия. Но отношения Турции с западом, не только с США, а со всем западным сообществом в любом случае проходят переформатирование. США не смогли, как предполагалось изначально, использовать базы на территории Турции для военной операции против Ирака – фундаментальнейший фактор. Второе, на США до сих пор очень серьезная головная боль – сдерживание крупномасштабного турецкого вторжения в северные районы Ирака для ликвидации баз Рабочей Партии Курдистана. Параллельно мы видим, что в самой Турции происходит серьезное переформулирование существующего там режима, который не имеет однозначного вектора.

Турция – демократическое государство, демократический режим, демократические выборы. Это один срез. Другой срез – постепенное сужение роли военного истеблишмента. Вроде бы здорово. Потому что демократия вроде бы хорошо, сужение военного истеблишмента вроде бы тоже хорошо. С другой стороны, военный истеблишмент, хотя это делалось свирепыми жесточайшими методами на протяжении всего 20-ого века, был хранителем светского вектора всего государства, наследие. Что лучше? Авторитарная Турция с военной диктатурой, но светское государство? Или Турция демократическая, но с исламским режимом.

Пока, поскольку нынешнее мягко исламское руководство Турции только обустроивается во власти, они проявляют большую терпимость в курдском вопросе. Военные традиционно проявляли абсолютную непримиримость в курдском вопросе. Например, сейчас двигателем идеи вторжения в иракский Курдистан для усмирения боевиков РПК выступают именно военные. Все переплетено. Я бы не стал давать какие-то однозначные ответы.

Выделяется одно совершенно четко: то, что будет происходить в ближайшее десятилетие в отношении Турции, будет одним из самых интересных и самых одиозных с точки зрения своих сюжетов для развития мировой политики. В том числе для России.

3- Сейчас в Конгрессе США рассматривается программа «Новой надежной боеголовки», как это влияет на проблему разоружения и подталкивает ли это к гонке вооружений?

Вы же сами ответили на свой вопрос. Вопрос был очень грамотно сформулирован, поэтому он в себе содержал определение проблемы, которая имеет место быть. Ядерное оружие сейчас не имеет альтернативы с точки зрения ядерной безопасности. Те страны, которые не имеют ядерного оружия, они полагаются на коллективные международные системы и инструменты обеспечения безопасности, на те балансы, которые позволяют им обеспечить

безопасность. Но это в очень значительной степени, последние инстанции восходят к наличию ядерных сверхдержав. Советского Союза нет. Россия не в коем мере не претендует на сверхдержавный статус. Это наш сознательный выбор. Но объективно мы были, есть и, видимо, на обозримое будущее останемся наравне с США ядерной сверхдержавой, что определяется и диктуется не только тем, что это есть, но и тем, что при всей нашей критике в адрес США, мы все-таки доказали на протяжении минувших 50 лет, что мы достаточно ответственно относимся к своему ядерному статусу.

Сели более конкретно, конечно, здесь содержатся очень серьезные элементы хрупкости. США не ратифицировали ДВЗЯИ. Они за собой резервируют право возобновить ядерные испытания. Существует проблема дефиниции: а что такое ядерное испытание на предельно малых рубежах мощности. И совершенно очевидно, естественно, при другой конфигурации, у нас совершенно другая военная доктрина, наша доктрина носит оборонительный характер, что предполагает другую направленность НИОКР, но совершенно очевидно, что последние испытания «Дмитрий Донской» и «Булава» - это очевидные иллюстрации. Что в рамках возможного и необходимого, Россия тоже попытается предпринять все меры для поддержания своего ядерного потенциала.

4- В каком соотношении могут выступать термоядерная энергетика и атомная энергетика: дополнение, частичная, либо полная замена?

В рамках моего скромного понимания этой проблематики, я это представляю это как достаточно гибкий процесс. Я не знаю, сможет ли когда-то термоядерная и водородная энергетика заменить атомную энергетiku, тем более с учетом того, что развитие атомной энергетики выстраивается как в психологической плоскости, так и в политической плоскости. Тем не менее, если, прежде всего я говорю о термоядерном проекте, если он будет развиваться так, как мы это сейчас представляем, и если мы действительно во второй половине века сможет выйти на коммерчески оправданную генерацию электроэнергии на термоядерных станциях, то тогда, по крайней мере, можно будет говорить об очень существенном дополнении атомной энергетики.

4- Как вы рассматриваете фактор миграции в качестве вызова?

Я говорил о притоке населения. Я вычленил один момент, не давая ему оценки: с учетом того, что в долгосрочном плане перемещаются большие потоки населения – это действительно ведет к изменению цивилизационной картины мира. Не говоря хорошо это или плохо, я отфиксировал базовую ситуацию с точки зрения тех вызовов, с которыми нам предстоит иметь дело. Если подробнее сказать, мне довольно плотно приходилось заниматься проблемами демографии. Последний проект, которым я занимался в Совете безопасности перед переходом в Федеральное агентство по атомной энергии – я готовил заседание Совета безопасности по демографической проблематике, на котором было принято решение о преобразовании Совета по приоритетным национальным проектам России в Совет по демографии и приоритетным национальным проектам. Мне пришлось погрузиться в эту проблему.

Миграция сама по себе не может быть ни хорошей, ни плохой. Все зависит от того, из чего она выстраивается и к чему это приводит. Миграция может привести к полному обезлюдиванию отдельно взятой территории или целой страны. Например, Ирландия, обезлюдившая после голодов и массовой миграции, оклемалась только после ста лет. Хорошо это были или плохо – трудно сказать. На начальном этапе, наверное, плохо. Потом с учетом того, что нынешним фактором развитие Ирландии является наличие крупных ирландских общин в тех же США, - это наверное, положительный фактор. Я как раз и хотел на протяжении всего нашего разговора подчеркнуть, что в нынешней обстановке черно-белый анализ очень редко применим. Один и тот же феномен очень по-разному проявляется во времени и пространстве. Я всегда выступал и выступаю за поощрение и продвижение миграции, но в тоже время за попытку управлять этими процессами. Бесконтрольная миграция может привести к очень серьезным деформациям, системным деформациям. Я анализирую ситуацию на уровне рынка. Хотя рынок - это тоже судьбы людей и немалого количества людей. Я говорю именно о системе международных отношений.

Отфиксируем для себя первые и базовые вещи. Первое, - развитие общества социальное, политическое, оно невозможно без массовой миграции. Поэтому мы с вами здесь говорим о феномене, который имеет место быть. Его нельзя запретить. Он в любом случае будет развиваться, подталкиваемый развитием государств, подталкиваемый социально-экономическими разрывами, потребностями. Здесь работают позитивные и негативные факторы, все в совокупности. Но здесь одна из базовых характеристик нынешнего времени. Любая эпоха исторических изменений и катаклизмов сопровождается массовыми перетоками населения. Возьмите что угодно, самый классический пример – эпоха слома Римской империи. А дальше признав, что это неизбежно, и признав, что это позитивно, потому что это приводит к взаимному обогащению, мы начинаем это анализировать вплотную. И смотрим, как конкретно нужно стараться направлять эти процессы, что и у государства-источника миграционных потоков, и у государства-реципиента это приводило в первую очередь, к позитивным результатам.